

Повнимательнее, Картер Джонс!

Автор:

Гэри Шмидт

Повнимательнее, Картер Джонс!

Гэри Шмидт

Вот это книга!

Что бы вы сказали, если бы в вашу дверь позвонил Дживс? Или хотя бы Стивен Фрай в образе Дживса?

Нечто очень похожее приключилось с американским шестиклассником Картером Джонсом – да еще и утром первого сентября, когда все три сестренки чего-то хотят, а мама совершенно сбилась с ног.

Картер сперва просто не поверил своим глазам. А потом – куда деваться! – смирился с тем, что настоящий английский дворецкий каждый день приходит в дом и устанавливает новые правила.

А потом – и такое бывает! – оказалось, что всем вокруг этот удивительный человек очень симпатичен. К тому же благодаря усилиям Дворецкого в жизни Картера появился совершенно неведомый ему прежде вид спорта. И это оказалось, в отличие от знакомства с балетом, очень интересно. И все это вместе привело к тому, что тайна, сжигавшая Картера изнутри, наконец раскрыта.

Гэри Шмидт

Повнимательнее, Картер Джонс!

Gary D. Schmidt

PAY ATTENTION, CARTER JONES

Серия «Вот это книга!»

Перевод с английского Светланы Силаковой

Оформление обложки Дианы Зинченко

Публикуется с особого разрешения Clarion Books, торгового наименования издательства Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.

Copyright © 2019 by Gary D. Schmidt

© С. Силакова, перевод, 2021

© ООО «Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2021

* * *

Ребекке Люси

с любовью от отца

Игроки

В крикетном матче участвуют две команды. Одна «играет в поле» – то есть в нападении, другая отбивает мяч – то есть играет в защите. На протяжении матча команды меняются местами. В каждой может быть не больше одиннадцати игроков. Капитан отбивающей команды решает, в какой очередности выходят играть его бетсмены – игроки, отбивающие мяч. Капитан команды, играющей в поле, расставляет полевых игроков на позиции, исходя из стиля и темпа каждого из своих боулеров – игроков, подающих мяч.

Если бы это произошло не в первый день учебного года, и если бы прошлым вечером мама не проплакала все глаза, и если бы топливный насос джипа работал как ему полагается, и если бы дождь не бушевал, как в австралийских тропиках, – а я попадал в такую грозу и знаю, каково это, – и если бы последнее молоко – у нас остался единственный пакет однопроцентного – не скисло, наша мама, скорее всего, даже не впустила бы Дворецкого.

Но день не задался с самого утра – а было только четверть восьмого.

В четверть восьмого утра в первый день учебного года – вот когда в нашу дверь позвонил Дворецкий.

Открывать пошел я.

Увидел на крыльце какого-то дядьку. Оглядел его.

И спросил:

- Вы нас разыграть хотите?

Вы бы тоже так спросили. Дядька был высокий и пузатый, в костюме, какие надевают на похороны, - а на похоронах я тоже однажды был и знаю, в чем на них ходят, - и в шляпе, которая называется «котелок». Котелок! Таких шляп не носят, наверное, с тех пор, как по улицам перестали ездить кареты. Причем дядька даже под австралийской тропической грозой вообще не промок: ни на животе, ни на похоронном костюме, ни на котелке ни капли воды, потому что он держал над собой зонт величиной со спутниковую тарелку.

Дядька посмотрел на меня сверху.

- Уверяю вас, молодой человек, я никогда никого не разыгрываю.

Я закрыл дверь перед его носом.

Пошел на кухню. Эмили завтракала всухомятку хлопьями «Сахарные звездочки Аса Роботроида», а мама причесывала ее, и по подбородку Эмили тянулись две сосульки из хлопьев. Шарли все еще искала второй желтый носок, потому что в четвертом классе никак нельзя надеть в школу другие носки: «нельзя, нельзя, нельзя, нельзя!» - а Энни говорила ей: «Ведешь себя как маленькая», а Шарли отвечала: «И вовсе не как маленькая, не как маленькая, не как маленькая! Думаешь, если ты в пятый перешла, теперь можешь мной командовать?» Тут Шарли посмотрела на меня и спросила: «Правда, Картер?» А я сказал: «Мое дело - сторона».

- Картер, - сказала мама, - твоя овсянка на плите, изюма насыпь сам, орешки тоже есть, а вот тростниковый сахар кончился. Но сначала, Картер, будь добр, сбегай в магазин и...

- У нас на крыльце какой-то дядька, - сказал я.

- Что-о?

- У нас на крыльце какой-то дядька.

У мамы сразу руки опустились. – Он военный? – спросила она, зажав в руках шпильки.

Я пожал плечами.

– Да или нет? – спросила мама.

– Он в штатском.

– Ты уверен?

– Вполне.

Мама снова занялась прической Эмили.

– Скажи ему, что сегодня первый день учебного года, и пусть он уйдет и поищет других покупателей, что бы он там ни продавал в семь пятнадцать утра!

– Пусть Энни сходит.

Мама уставилась на меня Супервзглядом, и тогда я вернулся в прихожую и еще раз открыл дверь.

– Мама говорит, что сегодня первый день учебного года и чтобы вы ушли и поискали других покупателей, что бы вы тут ни продавали в семь пятнадцать утра!

Он отряхнул зонт. И сказал:

– Молодой господин Джонс, известите, пожалуйста, вашу матушку, что мне бы очень хотелось с ней поговорить.

Я закрыл дверь перед его носом.

Вернулся на кухню.

– Сказал ему, чтоб он ушел? – спросила мама. По крайней мере, так мне слышалось. У нее был полон рот шпилек, и она втыкала их в голову Эмили, а Эмили после каждого тычка визжала и выплевывала «Сахарные звездочки Аса Роботроида», поэтому разобрать мамины слова было нелегко.

– Он хочет с тобой поговорить, – сказал я.

– А я с ним говорить не...

Шарли вдруг взвыла, держа на весу второй желтый носок, – оказывается, Нед его облевал. Нед – наша такса, а такс часто тошнит.

– Картер, сбегай купи молока, – сказала мама. – Шарли, перестань плакать. Энни, перестань передразнивать Шарли – только хуже делаешь. Эмили, если ты еще раз дернешь головой, я пришпилю тебе челку к бровям.

Я вернулся в прихожую и опять открыл дверь.

Дядька все еще стоял на крыльце, но австралийская тропическая гроза постепенно просачивалась даже под его зонт.

– Послушайте, – сказал я, – мама там уже очумевает. Мне надо в магазин за молоком, а то как же нам без молока завтракать? А Шарли плачет, потому что Нед облевал ее желтый носок, а Энни вредничает – хуже геморроя, а Эмили мама вот-вот пришпилит челку к бровям, а у меня еще рюкзак не собран – а это дело долгое, чтоб вы знали, а нам скоро выходить, потому что мы пойдем пешком, потому что у джипа сломан топливный насос, а зонтик один на всех. В общем, вам лучше уйти...

Дядька наклонился ко мне.

– Молодой господин Джонс, – сказал он, – если бы вы умели перебегать между калитками так же быстро, как сейчас тараторите, неуклюже сцепляя части предложения, то вы были бы на вес золота в любой крикетной команде на любом тестовом[1 - Тестовый матч в крикете – матч, при котором ограничена его продолжительность по времени, а не по количеству подач. Тестовый крикет является старейшей формой международных состязаний в этом виде спорта. На

тестовые матчи отбирают лучших игроков. Здесь и далее – примечания переводчика.] матче. Но в данный момент вернитесь-ка в дом. Идите к себе в комнату и сложите в рюкзак все, что вам нужно. Покончив с этой задачей, вы найдете свою матушку и предпримете все усилия, чтобы она больше не... – он замялся, – чтобы она не очумевала. – Он слегка наклонил зонтик, загораясь от австралийской тропической грозы. – А пока вы предпринимаете все усилия, я доставлю молоко.

Я посмотрел на него. Он вымок уже от ботинок до колен.

– А вы так всегда разговариваете? – спросил я.

– Если вы желаете спросить, всегда ли я говорю на королевском английском, то, разумеется, я отвечу «Да».

– В смысле, вы обо всем так говорите, словно стараетесь, чтобы от ваших слов красиво пахло.

Он отряхнул зонт. Мне почему-то показалось, что он охотно отряхнул бы его прямо мне за шиворот.

– Молодой господин Джонс...

– Вот-вот: «Молодой господин Джонс». Так никто не говорит.

– По всей видимости, некоторые говорят.

– И это тоже – «По всей ви-ди-мо-сти». Пока вы это выговариваете, целая минута пройдет. «По всей ви-ди-мо-сти».

Он наклонился ко мне. И сказал:

– Я немедленно отправляюсь за молоком. Вы должны собрать рюкзак. Сделайте все как надо, а затем окружите заботой свою матушку.

Повернулся, стал спускаться с крыльца.

- Вы меня пытаетесь в свою веру обратить, что ли? - спросил я.

- Да, - сказал он, даже не оглянувшись. - А теперь приступайте к поручениям.

Тогда я поднялся к себе и положил новые тетради, старые ручки, старые карандаши и старый отцовский калькулятор в свой рюкзак, а зеленый шарик - в передний карман, - все это, знаете ли, отняло много времени, - а потом вернулся на кухню, где мама заплетала Энни косы, Шарли, скрестив руки на груди, всхлипывала, а Эмили доедала «Сахарные звездочки Аса Роботроида» всухомятку. Мама спросила: «А где молоко?», и тут в дверь снова позвонили.

- Я открою, - сказал я.

Угадайте, кто пришел.

Его брюки вымокли почти доверху. Он вручил мне пакет. И сказал: - Молоко доставлено.

- По всей видимости, - сказал я. - Это однопроцентное?

- Определенно нет. А насмешка - низшая форма остроумия[2 - Герой перефразирует в назидательных целях, меняя смысл, афоризм Оскара Уайльда: «Сарказм - низшая форма остроумия, но высшая форма ума»].

Он протянул мне еще один пакет.

- Что это? - спросил я.

- Кое-что для мисс Шарлотты, - сказал он. - Скажите ей, что ассортимент американских минимаркетов хоть и небогат по части пищевых продуктов, видевших свет солнца, но, на наше счастье, эклектичен.

- Это слово она вряд ли знает.

- Мозаичен.

- И это тоже.

Он вздохнул.

- Содержимое пакета говорит само за себя.

Я взял пакеты и закрыл перед ним дверь. Отнес молоко на кухню, поставил на стол. Второй пакет отдал Шарли.

- Что это? - спросила она.

- Почему я знаю?

- Суешь мне пакет, а сам говоришь, что не знаешь?

- Что-то электрическое, - сказал я.

- Электрическое?

- Как-то так. От дядьки, который стоит у нас на крыльце.

Мама отвлеклась от косичек Энни, вскинула голову.

- От дядьки, который стоит у нас на крыльце? Он все еще там?

Шарли открыла пакет и достала из него - знаю-знаю, в это трудно поверить - новенькие ярко-желтые носки. И завизжала - так она визжит от радости. Визжит так, что целая планета может со страху перестать вертеться.

Мама посмотрела на ярко-желтые носки, на пакет с молоком.

- Это не однопроцентное, - сказала она.

- Определенно нет, - сказал я.

Мама бросила заплетать Энни косы и пошла к двери.

2

Калитка

Она же «викет». Словом «калитка» в крикете называют либо сооружения из столбиков и перекладин, установленные на обоих концах питча – центральной игровой площадки, либо всю поверхность питча.

Когда мама открыла дверь, мы все столпились за ее спиной.

Дядька по-прежнему стоял на крыльце, укрывшись своей спутниковой тарелкой, но от нее больше не было проку, потому что австралийская тропическая гроза разбушевалась и лило уже не сверху, а сбоку.

– Кто вы такой? – спросила мама.

Он слегка поклонился, и с его зонта пролился водопадом дождь, совсем как в австралийских дождевых[3 - Дождевые леса – научный термин, так принято называть леса, где выпадает от 2000 мм атмосферных осадков в год. Такие леса есть в тропиках, субтропиках и даже в умеренном климате (например, в Шотландии, Норвегии, Грузии и на Балканах). Австралийские дождевые леса – одни из самых обширных в тропиках на планете Земля, объект всемирного наследия ЮНЕСКО.] лесах.

– Госпожа Джонс, я знаком с вашим свекром и с вашим супругом: первому я служил много лет, о втором заботился в его детские годы.

– С ним все в порядке?

- Полагаю, вы подразумеваете второго из них?

Мама уперла руки в боки. Из уголка ее рта торчала забытая шпилька, глаза засверкали - она включила свой Супервзгляд. Вид у нее был довольно грозный.

- Капитан Джонс при нашей последней беседе был в добром здравии. Десять дней назад я связался с ним по телефону, чтобы уведомить: его отец, господин Симор Джонс, ушел из жизни.

- Ушел из жизни? - переспросила Эмили.

Дядька наклонился к ней.

- Мне очень жаль, мисс Эмили, но я должен сообщить вам, что ваш дедушка умер.

- Она его не знала, - сказала мама. - Его никто из нас не знал. Что ж, входите.

- Благодарю, мадам. Боюсь, мой мокрый зонт создаст вам неудобства.

- Это всего лишь вода, - сказала мама.

- Благодарю, мадам.

Мы всей толпой попятнулись, и дядька вошел в нашу прихожую, и мокрый зонт действительно создал неудобства.

- Значит, вы приехали сообщить нам об отце моего мужа? - сказала мама. - Вы могли бы просто написать нам письмо.

- Кончина вашего свекра - лишь часть того, что я должен вам сообщить, мадам. Имею честь уведомить, что мистер Симор Джонс также завещал значительную сумму на оплату моей службы его семье в последующие годы.

- Не понимаю, - сказала мама.

- По-видимому, будет резонно предположить, что семье, где четверо малолетних детей, а отец семейства служит в Германии, была бы небесполезна определенная помощь человека моей профессии.

- Вы приехали нам на выручку?

Дядька опять слегка поклонился. Правда-правда.

- На время командировки Джека?

Дядька кивнул.

- Джек, - сказала она. - Вас прислал Джек.

- Можно и так сказать, - сказал он.

Мама отключила Супервзгляд. Улыбнулась. Закусила губу - а значит, она, наверное, вот-вот... В общем, не важно, не будем об этом.

- Могу заверить вас, мадам, что в своей профессии я считаюсь специалистом высокого класса. Охотно сообщу вам имена и адреса, если вы пожелаете получить рекомендации.

- Погодите, - сказал я. - Вы хотите сказать, мой дед вас нам завещал? Типа того?

- Формулировка неуклюжая, но приблизительно соответствует истине.

- Значит, вы теперь типа наша собственность?

Он сложил зонт и аккуратно застегнул все ремешки, которые не дают зонту развернуться.

- Молодой господин Джонс, временное закабаление[4 - Дворецкий имеет в виду особый вид трудовых договоров: наниматель оплачивал переезд работника в Америку, а тот должен был отработать эти деньги. Обычно такой человек становился слугой нанимателя на определенный срок и не имел права

уволиться. С европейцами договоры о временном закабалении заключали в XVII веке.] отменили даже в вашей стране. А следовательно, я никоим образом не «типа ваша собственность».

- Значит, - сказала Шарли, - вы няня?

Он вытаращил глаза.

- Нет, дурында. Он не няня, - сказал я.

- Джек прислал дворецкого, - сказала мама больше сама себе, чем кому-то.

Дядька откашлялся.

- В таких вопросах я чрезвычайно консервативен. Я решительно предпочел бы зваться «джентльменом при джентльмене».

Мама покачала головой.

- Джентльмен при джентльмене. Джек прислал джентльмена при джентльмене.

Дядька снова слегка поклонился, как у него заведено.

- Загвоздка лишь в одном, - сказала мама. - Тут нет ни одного джентльмена.

И тогда он посмотрел на меня в упор. Правда-правда. На меня.

- Возможно, пока еще нет. Пока еще, - сказал он и вручил мне свой зонт - спутниковую тарелку.

Так в наш дом вошел Дворецкий.

Должен сказать, у меня возникли сомнения. В смысле, он-то сказал, что он «джентльмен при джентльмене», - а это дурацкое выражение значит, по всей видимости, просто «дворецкий», - но, может, он замаскированный миссионер?

Или торговец зонтами величиной со спутниковую тарелку. Или наводчик – вынюхивает, что в нашем доме можно украсть. Или серийный убийца. Он может оказаться кем угодно.

Я подметил: мама тоже в нем здорово засомневалась. Вот почему она надолго задумалась, когда Дворецкий вызвался отвезти нас в школу. Когда он это предложил, я шепнул маме: «Серийный убийца», а она ответила, тоже шепотом: «Топливный насос», а я ей шепотом: «Наверное, у него даже документов нет», а она мне шепотом: «Дождь сильный» – австралийская тропическая гроза не кончалась, – но я пожал плечами и шепнул: «А если ты больше никогда не увидишь нас живыми? Тебе что, все равно?» Ляпнул как дурак: мама изо всех сил закусила губу. Какой же я дурак – словно позабыл про те похороны.

Дурак я, дурак.

Мама зажмурилась и, кажется, целую минуту не открывала глаз, а потом открыла и сказала, что проводит нас до школы, и Дворецкий кивнул. Мама посмотрела на меня – и это был не Супервзгляд, а просто взгляд, но многозначительный, мол: «Не спускай глаз с этого типа – вдруг ты прав и он на самом деле серийный убийца», – и ушла наверх одеваться.

И потому я дышал ему в затылок, когда он открыл все четыре пакета с завтраками и положил в них свернутые салфетки, – я должен был точно знать, что он положил: просто салфетки, а не книжки про религию, не отравленный порошок или еще что-нибудь такое. И я дышал ему в затылок, пока он доплетал косы Энни, и вынимал скобы из новых носков Шарли, и заново закалывал волосы Эмили, потому что ее челка уже растрепалась.

Как знать, мало ли что делает серийный убийца, усыпляя бдительность жертв.

Нед тоже следил бы за ним неусыпно, но здорово разволновался, а такс – я же вам уже говорил – частенько тошнит. Обнюхав промокшие штанины Дворецкого, Нед наблевал опять, прямо под стол на кухне. Дворецкий начал за ним подтирать – пока он этим занимался, мне было необязательно дышать Дворецкому в затылок, – и тут вошла мама и, увидев Дворецкого под столом, сказала: «Вы пересекли Атлантику не для того, чтобы убирать за собаками», а он сказал: «Мадам, у меня весьма широкий круг обязанностей», и тогда мама разрешила ему подтирать облеваный Недом пол, а потом мы все вышли из

дома, типа как столпившись под зонтом – спутниковой тарелкой, а зонт все это время держал я.

Мама села впереди, мы вчетвером втиснулись на заднее сиденье и доехали до школы на машине Дворецкого: большой, длинной и фиолетовой – похожей на баклажан. Колесные диски с белым ободком, подножки. На капоте – хромированная фигурка дамочки, наряженной так, что на ветру ей никак нельзя стоять: продует. Сиденья обиты светло-желтой мягкой кожей. А еще у этой машины «рулевой механизм с положенной стороны» – так сказал Дворецкий, но я-то мигом заметил, что руль не там, где надо.

Вот на чем мы приехали в школу вместо джипа.

Когда мы высадили Энни у входа для пятиклассников, Дворецкий вылез из машины, обошел вокруг, держа над головой зонт – спутниковую тарелку (австралийская тропическая гроза продолжалась), распахнул заднюю дверцу и сказал:

– Мисс Энн, принимайте обдуманные решения и помните, кто вы.

– Обещаю, – сказала она.

Мама проводила Энни взглядом.

– Могу поклясться, я заплетала ей две косички.

– Мисс Энн предпочла, чтобы ей заплели одну, – сказал Дворецкий.

Когда мы высаживали Шарли, Дворецкий распахнул дверцу и сказал:

– Мисс Шарлотта, принимайте обдуманные решения и помните, кто вы, – а Шарли задрала ногу, показывая Дворецкому, что надела новые ярко-желтые носки. Мама велела ей бежать поскорее в школу, пока не вымокла.

Когда мы высаживали Эмили, Дворецкий открыл дверцу и сказал:

– Мисс Эмили, принимайте обдуманные решения и помните, кто вы.

А Эмили спросила:

- А после уроков вы за нами приедете на фиолетовой машине?

- Нет, - сказал я.

Мама сказала:

- Высматривайте наш джип.

И тогда мы поехали к корпусу средних классов, и, пока Дворецкий выходил из машины, я вылез сам - раньше, чем он успел распахнуть передо мной дверцу. Но он остановился с раскрытым зонтом - спутниковой тарелкой у бордюра, - а австралийская тропическая гроза продолжалась, и дождь отскакивал рикошетом от подножек машины, - и, сняв котелок, сказал: - Принимайте обдуманное решение и помните, кто вы, молодой господин Джонс. - И снова надел котелок.

- Думаете, я забуду, кто я?

- Полагаю, это вполне может случиться. Ведь сегодня вы переходите из начальной школы на среднюю ступень обучения, - сказал он. Потянул дверцу на себя, сложил зонтик, сел за руль.

И укатил. Вместе с нашей мамой - она сидела впереди, рядом с ним. Во мне шевельнулось подозрение: а если я ее больше никогда не увижу? Я проверил передний карман - там ли зеленый шарик?

Тут меня нагнал Билли Кольт и спросил:

- Кто это был?

- Наш дворецкий.

- У вас есть дворецкий?

Шарик лежал на месте.

- Да, а что? - спросил я.

Мы смотрели, как фиолетовая машина объезжает автобус и уносится вдаль под дождем.

- Его машина похожа на баклажан, - сказал Билли Кольт.

- Угу.

- А он сам - на миссионера.

- Угу, - сказал я.

- Или на серийного убийцу.

- Да, есть немножко.

И мы пошли в школу. Начинался наш первый день в шестом классе.

3

Граница

По периметру крикетного поля обычно проводят черту белым мелом. Эта черта называется «граница» и обозначает пределы игрового поля, которое состоит из центральной площадки - питча - и «внешнего поля» между питчем и границей.

В принципе первый день в шестом классе прошел почти так, как я и ожидал. Во всех коридорах на досках объявлений было написано «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, “МИНИТМЕНЫ”[5 - Футбольная команда школы Лонгфелло названа в честь «Минитменов» – ополчения североамериканских колонистов. Оно появилось в XVII веке, но сегодня ассоциируется прежде всего с событиями Войны за независимость США (1775–1783).]!», а когда все собрались в своих классных комнатах[6 - С 1-го по 5-й класс американские школьники проводят все время в одном и том же кабинете. Начиная с 6-го класса уроки проходят в кабинетах учителей-предметников. Но у каждой группы школьников есть своя «классная комната», где они собираются по утрам, и свой учитель, ответственный за эту классную комнату.], включилось школьное радио и мистер Дельбанко – это наш завуч – сказал: «Добро пожаловать в школу» – таким голосом, как будто это лучшее место на свете. «Все мы очень рады снова переступить порог нашей школы средней ступени имени Лонгфелло, верно? А теперь поприветствуем всех, кто пришел к нам учиться в шестой класс, ведь школа имени Лонгфелло не зря славится своим радушием! И, дорогие мои семиклассники и восьмиклассники, не забывайте, что вы сами тоже когда-то были шестиклассниками и пришли сюда впервые!» А потом микрофон передали нашей директорисе, миссис Свитек, и она сказала: «Надеюсь, нас ждет чудесный год. Мне не терпится увидеть всех вас на уроках, но я очень надеюсь в этом году не увидеть ни одного из вас в своем кабинете». (Это была типа шутка. Директорский юмор.)

На уроках было не так уж и мутно – я ожидал худшего. На математику меня определили в группу мистера Баркеса, и он продемонстрировал нам, что может с первого же раза, на слух, запомнить чью угодно фамилию, имя и домашний адрес. Классным руководителем у нас стала миссис Хокнет, вроде бы нормальная тетка – так мне показалось в основном потому, что в ее классной комнате уйма книг, на зависть любой библиотеке. В спортзале пахло по-особому – есть такой запах только что отремонтированного спортзала, где все готово к первому скрипу надраенного пола под подошвами, – и так хотелось проскользнуть по полу, но мистер Крозоска, физрук, нарезал круги по дорожке и следил, чтобы на бесценный пол его зала не ступил ни один шестиклассник в запрещенной обуви – «можно только в спортивной!». В столовой буфетчицы наполнили кулеры клубничным молоком – раньше я его никогда не пробовал, но вроде очень даже ничего. В кабинете естествознания миссис Врубель расставила стеклянные колбы и бунзеновские горелки, как в лаборатории Франкенштейна, и сказала нам, что можно пробовать ставить любые эксперименты, только сначала рассказать ей какие, а то вдруг взрыв устроим.

Мистер Соласки объявил: «Вы уже не в начальной школе, я отношусь к образованию серьезно – и вам советую». И с места в карьер стал рассказывать про «Бостонское чаепитие»[7 - Бостонское чаепитие – акция протеста, устроенная в 1773 году жителями британских колоний в Северной Америке. Колонисты сочли несправедливым закон Великобритании, касавшийся ввоза чая. Чтобы выразить протест, активисты прорвались на торговые суда и выбросили ящики с чаем за борт. Это событие стало толчком к Американской революции.], как будто должен отдавать американской истории все свое время до минуты. А на литературу меня определили к той же миссис Хокнет, и она раздала нам учебники, напечатанные, наверное, вчера или позавчера, – с неразрезанными страницами. Но учебники вроде нормальные, вот только между дельными текстами вклинились стихи.

Короче, примерно этого я и ожидал. Похоже на линьку – весь день с тебя опадает клочьями лето.

Но случилось и кое-что, чего я совсем не ожидал.

Билли Кольт – вот дурак – рассказал всем про Дворецкого.

Всем шестиклассникам.

Целый день напролет: – У тебя есть дворецкий? Seriously?

И: – А что, дворецкие еще не вымерли?

И: – А твой дворецкий будет носить за тебя учебники в школу?

И: – А твой дворецкий открывает перед тобой дверь и типа все время кланяется?

И: – А твой дворецкий вечером укрывает тебя одеялом?

Про одеяло спросил Билли Кольт – вот дурак – и чуть не получил кулаком в лоб, но я вовремя вспомнил, кто я, и принял обдуманное решение.

Тем более что завуч, мистер Дельбанко, стоял совсем рядом.

Но когда уроки наконец-то закончились и я собрался домой – а австралийская тропическая гроза не кончалась, я выглянул из дверей и увидел: на площадке, где обычно стоят те, за кем приезжают на машинах, собралась целая толпа шестиклассников. И все они глазеют на что-то большое, фиолетовое. В толпе были даже те, кто возвращается домой на школьных автобусах. И тогда я пошел в начальную школу, к входу для пятиклассников, и нашел Энни, и мы завернули за угол, подошли к входу для четвероклассников и нашли Шарли, а потом к входу для второклассников и разыскали Эмили, и там мы стояли среди второклассников, как великаны, пока не подъехал Дворецкий.

Мама, как и утром, сидела впереди.

Мы все втиснулись на заднее сиденье.

– Как первый день прошел? – спросила мама.

– Я думал, ты нас заберешь на джипе, – сказал я.

– Он все еще в мастерской, – сказала она.

– Хоть бы до завтра починили.

– Молодой господин Джонс...

– Картер. Меня зовут Картер. Просто Картер.

– Значит, этого вы не забыли. Отрадно слышать. Молодой господин Джонс, на самом деле вы хотите спросить у своей матушки: «А как прошел твой день?»

– На самом деле я хочу сказать...

– Потому что у вашей матушки день выдался очень долгий, со всевозможными неприятными новостями из области автомеханики. Прошу извинить за то, что я прервал вас, когда вы меня прервали...

– Как там джип? – спросил я.

- Джип при последнем издыхании, - сказала мама.

- Ты точно знаешь?

Дворецкий скосил глаза на меня.

- Говоря простонародным образным языком механика, этот конь свое отбегал.

- И что же нам теперь делать?

- Картер, - сказала мама, - давай сначала просто доедем до дома.

- Наш джип умер? - спросила Эмили. По ее голосу было понятно: сейчас разревется.

- Ну что ты как маленькая, - сказал я.

- И вовсе я не маленькая, - сказала она.

- Картер, - сказала мама и включила Супервзгляд.

И мы поехали домой на Баклажане, и дворники, шурша, ходили влево-вправо, влево-вправо, влево-вправо, а в остальном внутри этой дурацкой фиолетовой машины царила мертвая тишина.

Когда мы вошли в дом, Нед нас уже подждал - и он снова здорово разволновался, запрыгал на коротеньких ножках, залиvisto залаял - он так спрашивает: «Где вас носило?» - и не унимался, пока его не стошнило. Я хотел было воспользоваться шансом и отнести рюкзак наверх, но Дворецкий не дремал.

- Молодой господин Джонс, - сказал он и указал рукой на... на это самое...

- Но это вроде ваша обязанность, разве нет? - сказал я.

– В чрезвычайных обстоятельствах. В том случае, если бы я нанялся к вам уборщицей, я выполнял бы ее регулярно. Но для вас я не уборщица. – И он протянул мне рулон бумажных полотенец и пластиковый пакет.

– У нас обычно мама...

– И ваша матушка тоже не уборщица, – сказал Дворецкий.

– А я, значит, уборщица?

– В таких случаях – да, – сказал Дворецкий.

Я взял рулон бумажных полотенец и пластиковый пакет.

Опустился на колени.

Мерзкое занятие.

Когда я разделался с этим делом, Дворецкий протянул мне поводок Неда.

– На улице дождь, – сказал я.

Дворецкий пошел в прихожую, вернулся со своим зонтом – спутниковой тарелкой и протянул его мне.

– Обычно я не выгуливаю Неда сразу после школы, – сказал я. – Люблю немножко поваляться.

– А вот и наглядное подтверждение – у Неда отвис живот. Но есть и прекрасная новость: дисциплина поможет изменить привычки.

– Ну ма-ам... – сказал я.

– Просто обойдешь вокруг квартала, – сказала она.

– Вокруг квартала? – переспросил я. – Пока дойду обратно, насквозь промокну.

Энни захихикала.

- А мисс Энн тем временем успеет позаниматься фортепиано, - сказал Дворецкий.

- Я больше не беру уроки музыки, - сказала она.

- Этот пробел в образовании мы - вы и я - восполним.

Энни стало не до хихиканья.

- Это несправедливо, - сказал я.

- Ваше возражение не относится к делу, - сказал Дворецкий.

- В смысле?

- Призывы обойтись с ними справедливо - непрерывное, но не пробуждающее сочувствия нытье тех, кто живет при республиканском строе. Мы же, монархисты, отдаем себе отчет, что самое лучшее - взяться за дело, которое надлежит сделать. Итак, молодой господин Джонс, возьмитесь за дело.

Я пошел выгуливать Неда.

Австралийская тропическая гроза - а она весь день то утихала, то опять устраивала ливень, гром и молнию - выждала, пока мы выйдем, и снова обдала нас водой, подобравшись сбоку. Я даже не пытался загоразживаться зонтом - спутниковой тарелкой. Думал, Нед сразу запросится домой, так что погуляем минутку и назад. Но он не стал проситься домой.

Нед наслаждался. Бегал по лужам - а они были ему по брюхо; уши у него развевались на ветру, глаза он прижмурил, нос вскинул кверху; и он налил на азалии перед домом Кечумов, и на рододендроны перед домом Бриггсов, и на живую изгородь из падуба перед домом Роккаслов, и на петунии перед домом Кертджи, а потом накакал у ворот Билли Кольта - я рассудил, что так этому дураку Билли Кольту и надо, он же слил всем новость про Дворецкого; - а потом

Нед еще раз сделал свои дела в лилейниках у другого столба ворот Билли Кольта, а потом мы пошли домой, потому что уже слегка продрогли, да и из Неда столько вылилось и вывалилось, что вряд ли внутри что-то оставалось.

А когда мы пришли домой, на кухне было фантастически тепло. Для Неда на полу уже был постелен тряпичный коврик, а меня ждало махровое полотенце, и Дворецкий велел мне пойти наверх, переодеться в сухое и сразу же спуститься. Я сделал, как было велено, и, вернувшись на кухню, увидел на столе только что испеченное печенье с шоколадными крошками и кружку. Из кружки шел пар.

- Что это? - спросил я.

- Чай с молоком и сахаром, - сказал Дворецкий.

- Я чая не пью.

- Молодой господин Джонс, все цивилизованные люди пьют чай.

- Ну, тогда, видимо, я не цивилизованный.

- Это утверждение роднит вас с викингами, гуннами, пестрыми ордами варваров и всевозможными бродячими разбойниками. Я позволил себе вольность положить больше сахара, чем можно было бы ожидать в норме.

Я отхлебнул немножко. И еще немножко. Очень даже ничего.

- Отстой, - сказал я.

Дворецкий вздохнул. - Разве обязательно вновь и вновь афишировать, что вы во всем американец?

- А знаете, я вроде бы в этом кой-чего понимаю: я ведь помню, кто я, но если я ошибаюсь, вы так мне и говорите, - сказал я. - Мы же в Америке, так? В смысле, мне и полагается быть американцем, так?

Дворецкий снова вздохнул. - Полагаю, молодой господин Джонс, нам будет необходимо прийти к компромиссу.

«Вот-вот», – подумал я.

4

Поворот вслепую

Когда бэтсмены, совершив перебежку, касаются битами земли и бросаются бежать обратно, бэтсмен, оказавшийся лицом к той части поля, куда был отбит мяч, должен прикинуть, успеют ли он и второй бэтсмен совершить еще одну перебежку до того, как мяч вернут в игру. Если бэтсмен оборачивается лицом к противоположной стороне поля, то есть «поворачивается вслепую», – а это опасная привычка, – он не увидит, какая ситуация на поле, и при попытке совершить перебежку может выбыть из игры. Поворот вслепую – дело рискованное.

Я решил поднять восстание. Сами понимаете, подтирать собачью блевотину, чуть не утонуть из-за австралийской тропической грозы, пить чай с молоком и сахаром – ну и пусть я выпил всю кружку, не в этом дело! – не говоря уже про сорок пять минут на задачи мистера Баркеса. Мне пришлось их решать, когда Энни разделалась со своим дурацким Шопеном, решать сорок пять минут – полагалось тридцать, но Дворецкий вздумал, что я должен показать: мне все задачки по зубам. И это я еще молчу, что он заставил меня четыре раза – четыре! – переделывать сочинение для миссис Хокнет («Расскажите в одном абзаце об одном из мест, где вы побывали этим летом») и что мне пришлось проверять с Эмили ее домашку – примеры на сложение, а ведь у меня во втором классе никто никогда дома примеры на сложение не проверял, а потом, перед ужином, пришлось еще раз выгулять Неда вокруг квартала, всю свою промокшую одежду самому отнести к стиралке и учиться самостоятельно ее стирать и после всего этого еще и вытирать посуду – Дворецкий мыл, я вытирал, а когда он уже уходил, то взял с меня обещание еще раз выгулять Неда и переложить выстиранное в сушилку, а потом вынуть и аккуратно сложить. «И

нижнее белье тоже, молодой господин Джонс».

Понимаете? Аккуратно сложить дурацкое нижнее белье!

Не многовато ли взвалили на одного человека?

И я решил поднять восстание.

Но восстание не обязательно должно бросаться в глаза. В смысле, оно может начаться с мелочей. С чего-нибудь, что британский тиран едва ли заметит. Главное – расшатать иго тирании.

Именно так победила наша Американская революция, и помните: тогда все началось с пригоршни чая.

Итак, на следующее утро, когда в четверть восьмого Дворецкий позвонил в нашу дверь, я открыл дверь и весь разулыбался. И сказал:

– Доброе утро.

Дворецкий кивнул.

– Доброе утро, молодой господин Джонс.

И вошел в прихожую.

– Мама наверху с девчонками, – сказал я.

– Тогда я займусь завтраками в школу и чаем.

– Ничего против не имею, – сказал я.

И, когда он закончил с завтраками, на кухонном столе появились четыре пакета с аккуратными надписями: «Молодой господин Джонс», «Мисс Энн», «Мисс Шарлотта», «Мисс Эмили». И четыре кружки сладкого чая с молоком. Энни, Шарли и Эмили выпили его как миленькие.

- А ты будешь чай? - спросила Эмили.

- Нет.

- Можно я твой выпью?

- Нельзя, - сказал я.

- Можно я его Неду отдам?

- Эмили, не трогай мой чай.

Она показала мне язык.

Я тоже показал ей язык.

Когда мы уже собирались выходить, со второго этажа спустилась мама. - Как же я вам благодарна.

- Не стоит благодарности, мадам.

- Вы не обязаны называть меня «мадам».

Он посмотрел на нее пристально.

- «Мадам» и только «мадам», верно? - спросила она.

- Да, мадам.

- А мне как вас называть? - спросил я.

Мама и Дворецкий обернулись ко мне.

- Мистер Боулз-Фицпатрик, - сказала мама.

– Мистер Боулз-Фицпатрик?

– Да, молодой господин Джонс. Мистер Боулз-Фицпатрик. А теперь, если дамы готовы...

– Боулз-Фицпатрик?

Дворецкий помедлил и испустил долгий вздох.

– Ваша нация пока совсем молода, не так ли? И пока не слишком отчетливо чувствует, что такое преемственность времен.

– Боулз-Фицпатрик? – повторил я.

Новый вздох.

– Задолго до того, как сформировалась ваша американская нация, Боулз-Фицпатрики гибли на войне Алой и Белой розы, а как минимум один участвовал вместе с Нельсоном в битве при Абукире. Если говорить о героях, павших в сравнительно недавние времена, то один Боулз-Фицпатрик погиб на Первой мировой войне, в окопах Фландрии, а другой – на Второй мировой войне, на борту эсминца, сопровождавшего американские торговые суда. Возможно, от вашего внимания не укрылось, что мы, Боулз-Фицпатрики, – люди воинственные, привычные к битвам. Будьте начеку, молодой господин Джонс. А теперь, дамы...

Мы все, прихватив рюкзаки и пакеты с завтраками, побежали к Баклажану, держа над собой зонты (Дворецкий купил четыре новых, все черные).

Ну ладно, пускай он привычен к битвам и все такое. Но и я могу привыкнуть. Как-никак мой отец – офицер армии США. Капитан.

И поэтому я оставил свой завтрак на кухонном столе. И свой сладкий чай с молоком тоже.

Восстания начинаются с мелочей.

Пока мы ехали в школу, Дворецкий – мистер Боулз-Фицпатрик – даже не заметил, что моего пакета с завтраком не хватает. И, когда я вылез из машины, тоже не заметил. «Принимайте обдуманные решения и помните, кто вы». И даже когда я помахал рукой и пошел к школе, не заметил.

А когда миссис Хокнет спросила, где мой завтрак, я сказал: «Дома забыл, но со мной поделится Билли Кольт, потому что за вчерашнее с него причитается».

– Ничего с меня за вчерашнее не причитается, – сказал Билли Кольт.

– Причитается. За вчерашнее.

– Это насчет твоего дворецкого? – спросил он.

– Хочешь, я ему передам, что ты назвал его серийным убийцей?

– Серийным убийцей я его не называл. Сказал только, что он на серийного убийцу похож.

– Думаешь, серийный убийца станет в тонкостях твоих слов разбираться?

И Билли Кольт сказал, что поделится со мной. А потом мы переключились на сочинения, и миссис Хокнет пробежала их все своим учительским взглядом, острым, как лазер, и выбрала три, чтобы прочитать вслух всему классу. И едва она сказала, что прочитает их вслух, я догадался, что она прочтет мое, ведь Дворецкий заставил меня переделывать сочинение четыре раза – помните? – а кто еще из шестиклассников стал бы переделывать? И она прочла сочинение Патти Трубридж про ферму амишей[8 - А

миши – члены протестантского религиозного движения. У амишей свой уклад жизни, они из принципа обходятся без многих современных удобств и приспособлений: например, возят грузы на лошадях, а коров доят вручную. Туристы отправляются к амишам, словно в действующий музей старинных обычаев и технологий.] в Пенсильвании, и сочинение Дженнифер Уошбёрн про Чикагский Аквариум, а потом прочитала о том, как я был в парке Свободы[9 - В парке Свободы на Манхэттене в Нью-Йорке, на месте, где находились небоскребы Всемирного торгового центра, находится мемориал жертвам

терактов 11 сентября 2001 года в США.] в Нью-Йорке, и было туманно, сыро и холодно, и нам почти ничего не было видно, а потом с реки подул ветер, и туман вдруг развеялся, и мы увидели место, где раньше был Всемирный торговый центр, и ощущение было щемящее (это слово мне посоветовал Дворецкий).

Наверно, теперь вам понятно, что Дворецкий – не серийный убийца: он-то в тонкостях слов разбирается.

– Прекрасное выразительное описание с глубоким подтекстом, – сказала миссис Хокнет.

– Прекрасное выразительное описание с глубоким подтекстом, – шепнул мне Билли Кольт: наверно, от досады, что ему придется поделиться завтраком.

– Замолкни, – сказал я.

А потом миссис Хокнет опять задала нам написать сочинение из одного абзаца на тему «Моя комната».

– У вас один абзац, чтобы рассказать что-нибудь о себе. Причем рассказать не впрямую, а намеками, вкладывая в свои слова подтекст.

– Ты все так выразительно описываешь с глубоким подтекстом, – шепнул Билли Кольт.

– Замолкни, – сказал я. – Всерьез предупреждаю.

Миссис Хокнет велела приступить к работе.

Из классной комнаты мы пошли на естествознание к миссис Врубель, где начали изучать ионы – название занудное и тема действительно занудная, а потом – на физкультуру, причем вся физкультура состояла в том, что Крозоска заставил нас вытащить со склада во двор все маты – пусть проветрятся. – Дешевая рабочая сила, ребята, – сказал он. – Дешевая рабочая сила. – Мы не стали ныть, но только потому, что знали: волочь маты обратно будем не мы, а те, у кого физра сегодня седьмым уроком.

Но когда перетаскиваешь маты, недолго проголодаться, и, дожидаясь большой перемены, я надеялся только на то, что родители Билли Кольта на завтрак не поскупились.

А оказалось, это неважно.

В столовой все толпились вокруг одного стола, и кто-то, увидев нас, заорал: «Вон он идет!», и все обернулись на меня посмотреть. Можете вообразить, как это было странно – жуть. Но тут все расступились, и я увидел, в чем штука.

Длинный стол был застелен с одного конца белой льняной скатертью. На белой льняной скатерти стояла фарфоровая тарелка, белая, с тонким золотым ободком. Справа от тарелки на белой льняной салфетке лежали нож и ложка. Слева – две вилки. Чуть подальше была стеклянная мисочка с фруктовым ассорти, еще одна стеклянная мисочка с салатом и два маленьких графина – с оливковым маслом и с уксусом. На тарелке лежала куриная грудка с гарниром из карликовой моркови и грибов. И с петрушкой. На другой белой фарфоровой тарелке – дымящиеся гренки с чесноком. Тут же была бутылка газировки – бери и наливай в уже приготовленный стакан со льдом. И фарфоровая чашка, а в чашке горячий сладкий чай с молоком. А перед всем этим – белая табличка с замысловатой черной надписью «Молодой господин Картер Джонс».

– Ни фиги себе, – сказал Билли Кольт. – А можно ты завтра со мной поделишься?

Все, этот Дворецкий достал меня хуже геморроя. Намного хуже.

Я подумал, что мне и вправду надо быть начеку.

Что бы это ни значило.

Питч

Питч – основная игровая площадка между калитками. Ее длина – двадцать два ярда[10 - 20,12 метра.]. На питче должен происходить весь поединок между боулером и бетсменами.

В тот вечер мама сразу после ужина пошла спать, а я засел за сочинение «Моя комната»: объем – один абзац, задача – рассказать миссис Хокнет что-нибудь о себе не напрямую, а намеками.

К тому времени, когда Дворецкий помог Эмили прочесть сказку про зайку, который дом себе искал, и еще одну, про зайку в золотых туфельках, и две главы еще одной, про зайку по имени Эдвард, – ну вы уже поняли принцип отбора, да? – я усыпал весь пол скомканными листками, и Дворецкий увидел это из коридора, когда Шарли потащила его смотреть свои книжки. Я слышал за стеной их разговор. Дворецкий спросил: «Вам нравится Э. Несбит?», а Шарли переспросила: «Кто-кто?», а Дворецкий сказал: «Нам следует зайти в библиотеку. А теперь перейдем к умножению на одиннадцать и двенадцать...» Когда с умножением на одиннадцать и двенадцать было покончено, теперь уже Энни потащила Дворецкого в свою комнату практиковаться в правописании слов, которые начинаются на «пр-», и Дворецкий, проходя по коридору, увидел горы скомканных листков и покачал головой.

Я слышал, как они занимались, и, когда Энни превосходно проявила себя в правописании практически всех английских слов на «пр-», Дворецкий предложил, чтобы теперь она сама, проверяя себя прилежно и прагматично, проработала список слов, и потом зашел в мою комнату, где из комков бумаги уже нагромоздился горный ландшафт.

– Похоже, ваш прогресс прервался, – сказал он.

– Перестаньте, – сказал я.

– Виноват.

Он взял наугад скомканный листок, расправил.

– Я в таких делах не силен, – сказал я.

Дворецкий кивнул.

– И вообще, кто задает на первой же неделе какую-то дурацкую домашку? Только в нашей дурацкой школе.

Дворецкий скомкал расправленный листок. Подобрал с пола другой, прочел, скомкал.

– Кто задает? Учителя, старающиеся чему-то научить учеников, – сказал он. – Вам задали написать о выходках пестро разряженных персонажей, таких могущественных, что это просто нелепо?

– Мне задали написать про мою комнату. Я пишу об этих постерах. – И я показал на них рукой.

Дворецкий снова кивнул.

– Для сочинения этот предмет куда пристойнее, чем завалы невыстиранной одежды, – а их вы попозже устраните. Но ваши предложения – пример пустословия. Если бы вы предпочли лаконичность и предваряли сказуемые чем-то похожим на подлежащее...

– Вы опять...

– Виноват. Позвольте спросить: возможно, вашу учительницу больше заинтересуют подробности, которые что-то говорят о вас самом, молодой господин Джонс?

– Они самые. Мне задали описать, как моя комната что-то говорит обо мне.

– И поэтому вы пишете о супергероях?

– Угу.

– В таком случае, – сказал Дворецкий, – вы, возможно, могли бы начать с этого.

И показал на фото моего отца, капитана Джексона Джонатана Джонса, на фоне американского флага.

– Или с этого. – И он показал на берет, который отец носил во время своей первой командировки в Ирак.

– Или с этого. – И он показал на тактические очки: в их оправе до сих пор застрял песок Афганистана.

И – ну что ж я как дурак, как дурак, как дурак – я почувствовал, что на глаза – да что ж я как дурак, как дурак, как дурак – набежала какая-то дурацкая соленая вода.

– Напишите первую фразу, – сказал Дворецкий.

Я написал.

– Позвольте, – сказал он и протянул руку. Взял бумагу. Прочел. Прочел второй раз – теперь вслух.

Неторопливо прочел вслух: «Мой отец на другом конце света, но в моей комнате он повсюду».

Дворецкий положил этот листок обратно на мой стол.

И сказал:

– Даю прогноз: это начало не повторит прискорбную судьбу своих предшественников.

И ушел.

Он оказался прав.

В общем, на следующий день я не забыл завтрак дома.

Просто решил – лучше быть начеку.

Но Билли Кольт остался недоволен.

– Значит, Дворецкий сегодня не...

– Нет, – сказал я.

– И на завтрак не бу...

– Нет, – сказал я.

– Свинья ты, – сказал он.

Но на большой перемене я обнаружил в пакете столько еды, что можно было и с Билли Кольтом поделиться. Казалось, Дворецкий специально рассчитал на двоих: два сэндвича с козьим сыром, два вареных яйца, восемь кусочков нарезанной моркови и четыре маленькие плюшки с изюмом.

– Спасибо твоему дворецкому – так и передай, – сказал Билли Кольт. Если мне правильно слышалось. Он ведь говорил с набитым ртом.

А миссис Хокнет? Она сказала про мое сочинение: выразительное описание с глубоким подтекстом.

Очень глубоким.

И еще сказала, что мне стоило бы послать его отцу по электронной почте.

Я решил, что так и сделаю.

В пятницу Дворецкий приехал за всеми нами в школу на Баклажане, но на этот раз – впервые – мамы с ним не было.

– Ваша матушка, – сказал Дворецкий, – провожает джип в последний путь.

– Как это? – спросила Эмили.

– Это значит, что джип сд... умер, – сказала Энни.

– Джипы не умирают, – сказала Эмили.

– Совершенно верно, они не умирают, – сказал Дворецкий. – Но они когда-нибудь приходят в негодность. Что ж, поскольку сегодня пятница и уже четвертый час пополудни, рискну предположить, что мы могли бы по пути вас кое-чем порадовать.

– Порадовать? – переспросила Эмили.

– Да, – сказал Дворецкий. – Начнем с мисс Эмили и мисс Шарлотты.

Эмили и Шарли заулыбались – так они улыбаются, когда зазнаются, и тогда они хуже геморроя. Но они слегка поникли, когда мы подъехали к библиотеке и взяли для них на дом книжки Э. Несбит.

– А что значит «Э»? – спросила Шарли.

– Экстраординарная, – сказал Дворецкий. – Теперь очередь мисс Энн.

Энни не заулыбалась улыбкой зазнайки, но тоже слегка поникла, когда мы подъехали к «Музыкальному магазину Мэделайн» и Дворецкий купил ей метроном.

– Метроном – какая от него радость? – сказала она.

– Радость, а заодно польза – для всех нас, – сказал Дворецкий. – Ценно помнить, что ритм, если его прилежно придерживать, – тут он оглянулся на меня, а я покачал головой, – важен во всех областях жизни, но прежде всего в музыке.

– Спасибо, – сказала Энни, но без особого восторга.

– А теперь молодой господин Джонс, – сказал Дворецкий.

Если честно, когда мы подъехали к «Мэрисвиллскому миру спорттоваров», мои перспективы выглядели намного заманчивее, чем какие-то там книжки Э. Несбит и метрономы.

Сами понимаете, «Мир спорттоваров»... Звучит выразительно, и подтекст глубокий.

Дворецкий велел нам подождать в машине, пока он наводит справки о товаре, заказанном по каталогу. И мы подождали, и я сказал Энни, что «заказанный по каталогу» тоже звучит выразительно и подтекст глубокий.

По-моему, Энни сделала над собой большое усилие, чтобы меня не возненавидеть.

Но когда Дворецкий вернулся, в руках у него было что-то длинное, с одной стороны плоское, с другой выпуклое, и никто из нас не смог догадаться, что это такое.

– Почти все жители нашей планеты, – сказал Дворецкий, – за огорчительным исключением граждан ряда не самых цивилизованных стран, мигом узнали бы в этом предмете биту.

– Это не бита, – сказал я.

– Что и требовалось доказать. Молодой господин Джонс, именно эта вещь называется «бита» во всех частях света, где ценят изящество, где чтят коллективную память, где преобладают воспитанные люди.

– А мы разве невоспитанные? – сказал я.

– Молодой господин Джонс, вчера вечером вы окунули в кока-колу свой шоколадный донат в шоколадной глазури.

– Шоколадные донаты в шоколадной глазури только так и едят, – сказал я. – По всей видимости.

– И, если бы я не вмешался, соломинка, торчавшая из вашего стакана с шоколадной кока-колой, вонзилась бы в вашу левую ноздрю.

Это да – так все и было.

Он протянул мне битую.

– Вы взяли ее не за тот конец, молодой господин Джонс.

Я взял ее за другой конец.

– А веревку надо снять?

– Во-первых, это шнур. Во-вторых, нет, не надо.

Я осмотрел битую.

– А в бейсбол ей играть можно?

– Только если вы дикарь.

– А в какую же игру можно?

Дворецкий прижмурил глаза. На его губах появилась улыбка. И он сказал, словно погрузившись в транс:

– В самую красивую и благородную из всех игр, которые изобрело или когда-либо изобретет человечество.

Я снова осмотрел биту.

- Стопудово.

- Как вы должны помнить, молодой господин Джонс, насмешка - низшая форма остроумия. Но насмешки над крикетом равносильны святотатству, и в моем присутствии их не будет.

По его голосу я понял: он не шутит.

- Ну а из какого она дерева? - спросил я, хотя вообще-то мне было без разницы.

- Из ивы, - сказал Дворецкий. - И сегодня вечером вы ее обстучите.

И если вы не знаете, что такое «обстукивать», то вы, по всей видимости, никогда не держали в руках новую крикетную биту, и дворецкий не вручал вам бутылочку с олифой и чистую тряпку, и вы не натирали биту маслом: натираешь, натираешь, натираешь, а дворецкий смотрит и показывает тебе жестами, как это полагается делать, так, как он сам, наверное, делал в детстве, и, наверное, ему хочется отобрать у тебя биту и все сделать самому. А потом колотишь по бите крикетным мячом со всех сторон, чтобы дерево загрузело. Дворецкий говорил так, словно это типа такой обряд посвящения и я должен через него пройти.

Но знаете, что я вам скажу? Я думал не о том, что это типа обряд.

А о том, как бы он понравился моему брату Карриэру.

Карриэр заляпал бы всю комнату олифой, но... ох... как бы ему понравилось обстукивать биту.

Между прочим, в тот день после большой перемены я зашел в школьную библиотеку и отправил отцу по электронной почте свое сочинение - выразительное описание с глубоким подтекстом. А после уроков опять заскочил в библиотеку и проверил свой почтовый ящик.

Но когда человек в заграничной командировке, это же дело обычное, верно? В смысле, имейл мог не дойти. Или, может быть, отец сейчас где-то на задании. Или, может быть, у них уже ночь. Или, может быть, у них чрезвычайная ситуация – всякое бывает, и база оборвала все контакты с внешним миром, потому что над ней нависла угроза.

Мало ли почему он не может мне ответить.

Мало ли почему...

6

Судья

Судья – высший авторитет в том, что касается честной игры, с момента, когда в начале матча капитаны бросают жребий, и вплоть до окончательного подсчета очков. Судья досконально разбирается в правилах крикета, его задача – блюсти справедливость, пристально наблюдать за происходящим на поле и хранить традиции своего вида спорта.

Когда мы подъехали к дому, мама стояла у распахнутых ворот гаража. У распахнутых ворот совершенно пустого гаража.

– Значит, джип правда умер? – спросила Эмили.

– Боюсь, что да, – сказала мама.

– И что теперь – купим другой?

Мама закрыла ворота, и до меня вдруг дошло.

Другого джипа не будет.

По той же причине, по которой мы так и не купили другую микроволновку, когда в старой что-то взорвалось и стекло вылетело.

По той же причине, по которой я отдал Энни свой старый велик, а новый мне до сих пор не купили.

По той же причине, по которой компьютер у нас такой старый, что в игры на нем не поиграешь; впрочем, какая разница, игр у нас тоже нету, ни одной.

По той же причине, по которой Энни, Эмили и Шарли купили новые кроссовки для школы, а мне – нет.

– Мисс Эмили, – сказал Дворецкий, – в текущий период перевозить вас – моя задача.

– Вы каждый день будете возить нас на Баклажане?

– Я буду каждый день возить вас на бентли, мисс Эмили. И так будет продолжаться, пока молодой господин Джонс не получит водительские права.

А знаете, как противно ходить учиться в шестой класс в кроссовках, оставшихся от пятого класса? Знаете, как они уже стоптались – полный отстой...

– Картер не умеет водить машину, – сказала Эмили.

Дворецкий удивленно выгнул бровь.

Жуткий отстой.

– Молодой господин Джонс, – сказал Дворецкий и показал на Баклажан.

– Чего? – спросил я.

Он подошел к двери и распахнул ее. К водительской двери.

- Чего? - спросил я снова.

- Если вы сядете на сиденье, мыотрегулируем его по вашему росту.

Я посмотрел на маму. Она пожала плечами, позвала девчонок и направилась к дому.

Я сел в машину. Дворецкий обошел вокруг машины, сел рядом со мной.

- Мне двенадцать лет, - сказал я.

- Тогда времени остается в обрез. Вы знаете, где педаль газа, а где педаль тормоза?

Я кивнул.

- А где педаль сцепления?

Я посмотрел под ноги и кивнул.

- А рычаг переключения передач?

Я опять кивнул.

Он вручил мне ключи:

- Для начала поверните ключ зажигания.

И ткнул пальцем:

- Этот ключ вставляется вот сюда.

Я вставил ключ.

– Теперь поверните и отпустите ключ, как только зажигание включится.

Я сделал, как велено, и Баклажан подо мной зарокотал.

М-да, а вот это уже не отстой. Не-ет. Это в принципе круто.

Эмили, Шарли и Энни поднялись на крыльцо. Мама обняла их за плечи. Помните, как в «Асе Роботроиде и рейнджерах-роботроидах» некоторые персонажи смотрят на Аса Роботроида и их разинутые рты – шире пещер, потому что он просто обалденный герой?

Вот как смотрели на меня сейчас Эмили и Шарли. Но не Энни.

– Я не очень-то знаю, как это делается, – сказал я.

– Вы готовитесь включить на бентли заднюю передачу, чтобы...

– Дать задний ход, – сказал я.

– Отлично. Положите правую руку на рычаг коробки передач.

Я положил руку на рычаг. Дворецкий накрыл мою руку своей.

– Выжмите педаль тормоза.

Я выжал.

– А левой ногой выжмите сцепление.

Я выжал сцепление.

– А теперь мы включим заднюю передачу.

Так мы и сделали, и я почувствовал, как Баклажан, замурлыкав, приготовился тронуться.

Это было очень круто.

– Оглянитесь через левое плечо. Хорошо. А теперь слегка отпустите тормоз, держа руль совершенно прямо.

Я так и сделал – и Баклажан покатился задним ходом к воротам, плавно-плавно. Так движутся по привычным орбитам планеты.

– Если вы продолжите поворачивать в эту сторону, молодой господин Джонс, то передвинете клумбу с хостами. Спасибо. Вы хорошо справились. Теперь ваша матушка вздохнет спокойно.

Мы миновали клумбу с хостами.

– Надеюсь, вы не потревожите орешник у ворот?

Я не потревожил орешник у ворот.

– Выжмите тормоз, пожалуйста, – сказал Дворецкий.

Я выжал.

– Превосходно. Не прокатиться ли нам по-настоящему? Что, если мы выгуляем бентли один раз вокруг квартала? – предложил он.

Я кивнул.

– Выезжайте задним ходом на улицу, пожалуйста. Подождите, прежде чем развернуться. Подождите. Подождите. Пора, молодой господин Джонс. Готово, вы хорошо справились. Держите руль ровно. Что ж, вы приобретаете навыки. Приготовьтесь переключить передачу, а после этого слегка нажмите на газ.

И я приобрел навыки. И приготовился переключить передачу. И переключил. Ну, если честно, Баклажан заглох. Но я снова завел мотор, и слегка нажал на газ, и Баклажан тронулся. И я повернул за угол, и мы проехали мимо азалий Кечумов, и рододендронов Бриггсов, и падуба Роккаслов, и петуний Кертджи, и дома Билли

Кольта – вы даже вообразить не можете, как сильно мне хотелось, чтобы Билли Кольт в эту минуту был во дворе и увидел меня, но его во дворе не было, и мы снова повернули за угол, и Баклажан подо мной рокотал и мурлыкал, и рука Дворецкого иногда накрывала мою, помогая рулить, но только иногда.

А когда мы вернулись, все-все-все – и девчонки, и мама – стояли на крыльце, и Нед тоже, и все они – даже Нед – смотрели на меня, как на Аса Роботроида в мультике. Мы припарковались у гаража – ведь ворота в гараж мама закрыла. Я переключился на нейтральную передачу. Заглушил мотор. Вынул ключи, отдал Дворецкому. Мы вылезли из машины. Эмили, Шарли и даже Энни захлопали в ладоши. А мама заулыбалась как-то странно – точно я вдруг стал взрослым. Еще один обряд посвящения, ага. Даже Нед восхищался – а вы уже знаете, что приключается с Недом от сильных чувств.

– Вы отлично справились, молодой господин Картер. Воистину отлично.

– Машина просто класс.

– Ваш дед согласился бы с вами, хотя, возможно, выбрал бы другое слово. Когда стало очевидно, что машина ему больше не потребуется, он лично договорился о том, чтобы ее доставили через океан вам, – одно из последних дел, которые ему удалось довести до конца.

– Погодите... Мне?

– Бентли – ваша машина, молодой господин Картер. Я буду пользоваться ей только до вашего совершеннолетия.

– А когда оно будет?

– В день вашего восемнадцатилетия.

– Это же еще типа через миллион лет.

– Сравнение с миллионом лет неуместно. Осталось всего шесть лет – не успеете и оглянуться. А тем временем у вас будет предостаточно дел, с которыми можно управиться и без бентли, – например, устранять следы жизнедеятельности Неда

или – дело еще более неотложное – избавиться от слов-паразитов «типа» и «чтоб вы знали».

Я устранил следы жизнедеятельности Неда, а потом выгулял его вокруг квартала, и он, наложив кучу у ворот Билли Кольта, совсем успокоился.

Но я не успокоился. Я долго еще не успокаивался.

Я водил Баклажан!

Я водил Баклажан!

Я водил Баклажан, чтоб вы знали!

Я хотел сказать – я правда-правда водил Баклажан!

И после совершеннолетия он станет моим.

И, вернувшись домой, я сказал Дворецкому:

– Спасибо, мистер Боулз-Фицпатрик. А вы точно знаете – может, все-таки в день шестнадцатилетия?

Дворецкий слегка улыбнулся и сказал:

– Я знаю это совершенно точно, молодой господин Картер. А теперь, раз уж вы здесь... У мисс Энн не получается настроить метроном. Возможно, братская помощь была бы уместна.

И я оказал ей братскую помощь. В виде исключения.

В тот вечер, после гамбургеров с картошкой фри, – а я ел картошку фри вилкой, должен же я показать, какой я воспитанный, и я даже ни слова не сказал о том, что мистер Боулз-Фицпатрик ест картошку фри с уксусом, а не с кетчупом, как полагается всем цивилизованным людям, – мама спросила Дворецкого, где он

остановился.

– Спасибо, мадам, – сказал он. – Я снял две комнаты у мистера Кребса, это в нескольких кварталах...

– У отца Карсона Кребса? – спросил я.

– Полагаю, да. Возможно, вы знакомы с этим мальчиком?

– Не то чтобы прямо знаком.

– Этому юноше пришлось очень быстро повзрослеть, – сказал Дворецкий.

Мама кивнула. – А эти комнаты...

Она замаялась, и я догадался, какой вопрос вертится у нее на языке. Отец устроил себе на первом этаже кабинет. Там стоит раскладной диван. Напротив – отдельная ванная. Я прочел по маминому лицу, что она подумала то же самое, что и я: не проще ли мистеру Боулз-Фицпатрику поселиться у нас?

– Этот вариант прекрасно устраивает всех, – сказал Дворецкий.

И подходящий момент был упущен – отступил в прошлое. Если честно, я сам удивился тому, что меня это почему-то огорчило.

Но знаете, какой момент не отступил в прошлое?

Знаете, какой момент не выходил у меня из головы?

Я водил Баклажан!

Я водил Баклажан!

Я водил Баклажан – правда-правда, чтоб вы знали!

Настоящая калитка

«Настоящей калиткой» называют ровный питч. От такого покрытия крикетный мяч отскакивает абсолютно предсказуемо. Если же мяч отскакивает непредсказуемо, такой питч называют «трудная калитка».

Вечером в пятницу Дворецкий ушел, а мы призадумались: придет ли он в субботу? Мама сказала, что ему наверняка захочется сделать передышку. Но утром в субботу, когда я встал, чтобы посмотреть по телику «Аса Роботроида и рейнджеров-роботроидов», Дворецкий уже возился на кухне, что-то напевая.

– Дайте-ка угадаю, – сказал я. – Бетховен.

– Элгар, – ответил Дворецкий. – Бетховен – не для утреннего времени: слишком уж он немецкий.

Я пошел в кладовую – взять чего-нибудь на завтрак.

Переворошил все коробки с хлопьями.

Ни одной коробки «Сахарных звездочек Аса Роботроида».

Переворошил еще раз.

Ни одной коробки «Сахарных звездочек Аса Роботроида».

Как же смотреть «Аса Роботроида и рейнджеров-роботроидов» без «Сахарных звездочек Аса Роботроида»?

Я глазам своим не поверил. Повытаскивал с полки почти все коробки с хлопьями – даже с такими полезными, что к ним никто никогда не притрагивается.

Ни одной коробки «Сахарных звездочек Аса Роботроида».

– Их там нет, – крикнул мне Дворецкий с кухни. Я вернулся на кухню. Он нарезал кубиками репчатый лук и красный перец.

– Чего там нет?

– Этих варварских «Сахарных звездочек».

– Если «Сахарные звездочки Аса Роботроида» не подают в Букингемском дворце, это еще не значит, что они варварские.

– Именно что значит, – сказал Дворецкий и высыпал лук и перец в миску со взбитыми яйцами.

Ну вот, я же говорил – хуже геморроя.

Конечно, водить Баклажан классно. Но лучше уж обойтись без Баклажана, чем лишиться «Сахарных звездочек Аса Роботроида». Я что, слишком много требую? Разве я не заслужил «Сахарные звездочки Аса Роботроида» после того, как целую неделю проучился в шестом классе?

Спорим, Дворецкий даже никогда не пробовал «Сахарные звездочки Аса Роботроида»?

Спорим, он раньше и не слышал никогда про «Сахарные звездочки Аса Роботроида»?

– А чем же мне тогда завтракать?

– Завтракать подано. Поднос с едой ждет вас в столовой.

Я пошел в столовую. стакан апельсинового сока. Вареное яйцо в специальной такой чашечке, на яйцо надета вязаная шапочка – чтобы не остыло, что ли? Два тоста на подставке. Пара ложек апельсинового конфитюра – ненавижу апельсиновый конфитюр – в белой миске. Солонка и перечница. Груша, разрезанная на четыре части. И чашка сладкого чая с молоком, накрыта блюдцем – чтобы не остыл, так?

– Не так-то легко завтракать такой едой, когда смотришь «Аса Роботроида», – крикнул я в сторону кухни.

– Уверен, для вас это огромное облегчение. Вам больше не придется завтракать перед телевизором, отвлекаясь на «Аса Роботроида и рейнджеров-роботроидов». Теперь вы можете позавтракать в столовой, как...

– Знаю-знаю: как цивилизованный человек.

– Совершенно верно.

Я же говорил – намного, намного, намного хуже геморроя.

Я сел за стол в столовой. Остальные еще спали, но я сел за стол в столовой. Один. В столовой. В комнате, где мы никогда не едим. В столовой.

Знаете, как это странно – сидеть в столовой в полном одиночестве?

Я снял с яйца вязаную шапочку.

И крикнул в сторону кухни: – А как положено есть такие яйца?

– Следует приставить лезвие ножа к скорлупе, держа его параллельно краям чашки. Надавите, постепенно усиливая нажим, и скорлупа треснет. Затем...

– Ясно, – сказал я.

Я приставил лезвие ножа к скорлупе, держа его параллельно краям чашки. Надавил, постепенно усиливая нажим.

Скорлупа не треснула.

Я еще раз надавил, постепенно усиливая нажим. Надавил как следует.

Скорлупа не треснула.

Я постепенно усилил нажим.

И еще чуть-чуть усилил.

Уже не «постепенно».

И так продолжалось, пока нож не разрубил это дурацкое яйцо. Верхняя половинка, соскользнув по белой миске с апельсиновым конфитюром, шлепнулась на пол.

Правда-правда – я ничего не выдумал.

Серьезно – шлеп, и на пол.

К счастью, Нед был рядом – и все подлизал.

– Молодой господин Картер, у вас там полный порядок?

– Полный, – сказал я.

Нижнюю половинку яйца я съел, стараясь не обращать внимания на осколки скорлупы. Хлеб тоже съел, к конфитюру не притронулся.

Чай выпил. Да, на молоко и сахар Дворецкий не скупится. Покончив с завтраком, я подобрал с пола скорлупу и почесал Неда за ушком – выразил благодарность за заметание следов.

И Неда тут же стошнило.

– Вы должны выгулять Неда как можно скорее, – крикнул мне Дворецкий.

– А что, подождать нельзя было? Или ты лопнешь, если подождешь чуть-чуть? – сказал я. Но только Неду.

Я все-таки пошел выгуливать Неда. Обошли квартал один раз, сделали еще полкруга – и увидели, что нас поджидает Билли Кольт. Он показал на Неда:

– Он всегда какает у наших ворот?

– Всегда, – сказал я. – Я его выдрессировал.

– Но у вас для этого есть дворецкий, разве нет?

– Для чего «для этого»?

– Чтобы он за ним типа подбирал с земли?

– Только в чрезвычайных обстоятельствах – а сейчас не чрезвычайные.

– Ну, может, для тебя не чрезвычайные...

– Ни капельки, – сказал я.

Билли Кольт склонил голову набок.

– А он что, еще и блюет?

– Видел вчера, как мимо проехала машина Дворецкого?

– Не-а.

– Точно не видел? Часа в четыре?

– Нет. А что?

– Да так... – сказал я. И сам подивился, что это меня огорчило.

Правда, это разве огорчение... А вот что на мой имейл нет ответа...

8

Кролик

«Кроликом» называют бетсмана, играющего в крикет недавно или просто не очень умело, потому что на боулера он смотрит с заметным испугом.

Когда я вернулся домой, на кухне пахло яблоками и мама, Эмили, Шарли и Энни стояли вокруг кухонного стола и завтракали маленькими пирожками с яблоками, и тогда мы с Билли Кольтом тоже налегли на пирожки с яблоками. Я, знаете ли, сказал Билли Кольту, что он может зайти к нам и позавтракать с нами за компанию, если мне не придется подбирать с земли сами знаете что. Мы все пили молоко большими стаканами. – Однопроцентное? – спросил Билли Кольт. А Эмили ответила: – Определенно нет. – И, когда мы все съели и убрали посуду, Дворецкий сказал: – Хорошо. Дайте мне одну минуту – и выезжаем.

Билли Кольт посмотрел на меня.

– Выезжаете? Куда?

Я пожал плечами.

Дворецкий кинул мне ключи от Баклажана и спросил:

– Не будете ли вы так любезны прогреть мотор бентли, молодой господин Картер?

Билли Кольт снова посмотрел на меня.

– Легко, – сказал я.

– А вы, молодой господин Уильям, не будете ли вы так добры принести в дом длинный чемодан и довольно громоздкую сумку? Вы найдете их на заднем сиденье. Премного благодарен.

Мы пошли к Баклажану, и я повернул ключ, и мотор зарокотал. Я вернулся в дом. Билли принес чемодан и довольно громоздкую сумку и спросил: – А ты его хоть раз водил? – А я сказал: – Каждый день вожу. – А он сказал: – А где ты на нем ездешь? – А я сказал: – Много где. – А он сказал: – Эх, был бы у меня дворецкий...

И тут из ванной вышел Дворецкий.

Уже не в костюме.

Он переоделся во все белое: белые ботинки, белые треники, белая рубашка поло, белый свитер, белая кепка. Взял у Билли ту самую довольно громоздкую сумку, раскрыл, достал из нее два огромных щитка, сделанных словно из зефира. Мы с Билли остолбенело уставились на щитки.

– Молодой господин Картер, – сказал Дворецкий, – если в вашем гардеробе есть белая рубашка, сейчас самое подходящее время ее надеть.

Я пошел наверх. У меня, знаете ли, и вправду была одна белая рубашка – их надевают на похороны. А я один раз был на похоронах, как я вам уже говорил.

– И если вы прихватите свою битву... – крикнул мне вдогонку Дворецкий.

Когда я спустился, Дворецкий и Билли были уже во дворе. Дворецкий положил зефирные щитки на землю и стал рыться в длинном чемодане. Достал два белых свитера и две белые кепки.

– Придется пока надеть эти, хотя, наверно, они чуть-чуть великоваты. Прошу облачиться.

Что нам оставалось делать? Мы стали облачаться, и, когда наконец напялили белые свитера и белые кепки, Энни, Шарли и Эмили, стоявшие на крыльце, чуть не попадали от хохота.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тестовый матч в крикете – матч, при котором ограничена его продолжительность по времени, а не по количеству подач. Тестовый крикет является старейшей формой международных состязаний в этом виде спорта. На тестовые матчи отбирают лучших игроков. Здесь и далее – примечания переводчика.

2

Герой перефразирует в назидательных целях, меняя смысл, афоризм Оскара Уайльда: «Сарказм – низшая форма остроумия, но высшая форма ума».

3

Дождевые леса – научный термин, так принято называть леса, где выпадает от 2000 мм атмосферных осадков в год. Такие леса есть в тропиках, субтропиках и даже в умеренном климате (например, в Шотландии, Норвегии, Грузии и на Балканах). Австралийские дождевые леса – одни из самых обширных в тропиках на планете Земля, объект всемирного наследия ЮНЕСКО.

4

Дворецкий имеет в виду особый вид трудовых договоров: наниматель оплачивал переезд работника в Америку, а тот должен был отработать эти деньги. Обычно такой человек становился слугой нанимателя на определенный срок и не имел права уволиться. С европейцами договоры о временном закабалении заключали в XVII веке.

5

Футбольная команда школы Лонгфелло названа в честь «Минитменов» – ополчения североамериканских колонистов. Оно появилось в XVII веке, но сегодня ассоциируется прежде всего с событиями Войны за независимость США (1775–1783).

6

С 1-го по 5-й класс американские школьники проводят все время в одном и том же кабинете. Начиная с 6-го класса уроки проходят в кабинетах учителей-предметников. Но у каждой группы школьников есть своя «классная комната», где они собираются по утрам, и свой учитель, ответственный за эту классную комнату.

7

Бостонское чаепитие – акция протеста, устроенная в 1773 году жителями британских колоний в Северной Америке. Колонисты сочли несправедливым закон Великобритании, касавшийся ввоза чая. Чтобы выразить протест, активисты прорвались на торговые суда и выбросили ящики с чаем за борт. Это событие стало толчком к Американской революции.

8

А

миши – члены протестантского религиозного движения. У амишей свой уклад жизни, они из принципа обходятся без многих современных удобств и приспособлений: например, возят грузы на лошадях, а коров доят вручную. Туристы отправляются к амишам, словно в действующий музей старинных обычаев и технологий.

9

В парке Свободы на Манхэттене в Нью-Йорке, на месте, где находились небоскребы Всемирного торгового центра, находится мемориал жертвам терактов 11 сентября 2001 года в США.

10

20,12 метра.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shmidt_geri/povnimatel-nee-karter-dzhons

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)